НИКА МАРШ

КРЕПКИЕ УЗЫ

Как жили, любили и работали
крепостные крестьяне в России

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
М30

В коллаже на первой сторонке переплета
используется репродукция картины *Г. Г. Мясоедова*
«Страдная пора (Косцы)»

Марш, Ника.

М30 Крепкие узы. Как жили, любили и работали крепостные крестьяне в России / Ника Марш. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-250952-0

Как крестьяне любили и ненавидели? Как относились к своим хозяевам и их детям? За сколько можно было купить себе парочку крепостных?

Известный блогер и историк Ника Марш дает ответы на все эти вопросы. Яркая, наполненная историями из реальной жизни, книга во всех деталях рассказывает о том, кем были крепостные на Руси, кому служили, а кого ненавидели. Легкий слог и внимание к деталям позволили автору создать поистине многогранный портрет крепостничества.

Предками абсолютного большинства жителей России являются крепостные крестьяне. Так ли уж сильно отличалась их жизнь от нашей? По мере прочтения этой книги, узнавая подробности странной и непонятной жизни крепостных, постепенно начинаешь понимать, что различия эти не так уж сильны.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-250952-0

© Ника Марш, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Почти двести лет в России существовал порядок, при котором одни могли с абсолютной легкостью распоряжаться другими. Люди жили бок о бок, но при этом находились словно на разных планетах. Полное бесправие крепостных и безграничная воля помещиков породили столько сюжетов, каких не сыскать ни в одном романе или сериале.

Это были крепкие узы. Настолько, что разорвать их не получалось много десятков лет. Пытался браться за это Павел I и его сын Александр I, размышлял над этим Николай I, и лишь Александр II решился поменять устоявшийся уклад. Современники не оценили: в 1881 году царя-освободителя убили народовольцы.

Крепостное право обросло мифами и множеством домыслов. Им до сих пор стыдят друг друга современники. А кто-то радостно сообщает: «А у нас его не было!» «Да такого вообще нигде не было!» — отвечают другие.

Эту страницу истории нужно изучать хотя бы потому, что она затрагивает каждого из нас. Мы все — потомки хозяев или угнетенных, причастных или наблюдавших со стороны. За цифрами, обозначающими число крепостных, миллионы судеб. Некоторые из них сложились ярко, необычно. Другие канули в безвестность, уморенные Салтычихой, отправленные в солдаты, сгинувшие в петербургских борделях или на дальних рубежах империи.

Но история крепостного права соткана не только из слез. В ней есть место уму и таланту, везению и гордости, любви и преданности. Эта книга в первую очередь о людях. И о тех крепких узах, которые связывали помещика и крепостного.

ГЛАВА 1. КРЕПОСТНАЯ ЛЮБОВЬ

В России начала XIX века никто особенно не удивлялся, если владелец усадьбы уделял внимание яркой крепостной девушке. Даже у «солнца русской поэзии», Александра Сергеевича Пушкина, случился роман с дочерью крестьянина Калашникова, Ольгой. Об этом романе известно меньше, чем об увлечении поэта Анной Олениной или Елизаветой Воронцовой, но девушка явно оставила след в его душе.

Ольга попала в семью Пушкиных в девять лет. Сначала все Калашниковы служили Петру Абрамовичу Ганнибалу, которому Александр Сергеевич доводился внучатым племянником. В имении Петровское, где они обитали, уклад жизни был незатейлив: отец Ольги играл барину на гуслях, а еще умел делать сладкие

домашние настойки из ягод. Темно-красные, немного тягучие, они подавались студеными вечерами, чтобы напомнить о лете, чуть-чуть согреться. Но в 1806 году гусляра забрали в соседнее Михайловское, помогать Надежде Осиповне Пушкиной, и вскоре Михайло Калашников дослужился у нее до управляющего. Семью разделили: Калашников хотя и жил довольно близко, но все же отдельно от жены и детей, оставшихся в Петровском. Но кому было дело до предпочтений какой-то крестьянской семьи? О таких вещах не задумывались. Это ведь имущество! (Пусть и живое.) Но в 1814 году Ольгу приписали в «сенные девки» у Пушкиных. С тех пор у девочки появились новые обязанности: вышивать, прясть и шить по мерке. Тонкие пальчики юной работницы справлялись ловко, и Арина Родионовна, которой поручили присматривать за ней, почти всегда была ею довольна.

Учеба, потом придворная жизнь — Александр Пушкин мог не скоро еще показаться дома. Но в июле 1824 его наказали, предписав отправиться в материнское имение до дальнейших распоряжений. В том злополучном 1824 году поэт отличился дважды. В то время он служил в Одессе, под руководством графа Михаила Воронцова. Начальству Пушкин откровенно не нравился: не выказывал большого рвения

к своему делу, зато обожал строить глазки графской жене, Елизавете Ксаверьевне. Но точкой кипения стала поездка Александра Сергеевича по Херсонской губернии. Ему следовало составить отчет о последствиях нашествия саранчи, буквально сожравшей все посевы. И с задачей Пушкин справился феноменально. Бумага, поданная им, была предельно красноречива:

Саранча:
23 мая – летела, летела
24 мая – и села
25 мая – сидела, сидела
26 мая – все съела
27 мая – и вновь улетела.

Это выглядело откровенным издевательством, и Воронцов не просто гневался. Он орал и требовал от Пушкина объяснений. Полемика затянулась, поэт признавать неправоту не спешил. Дело принимало нехороший оборот.

Напрасно друг Вяземский умолял Пушкина быть осторожнее и сдерживать порывы. Какое там! Из-под пера летели злые строки о Воронцове:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Пушкин подал в отставку, однако граф опередил его со своим рапортом высочайшему начальству. И это вышло поэту боком. Из столицы последовали вести: извольте быть наказанным. Почти «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Александру Пушкину предписали отправляться в Михайловское, да поживее.

Отец негодовал и бранил своевольного сына. Опасения старшего Пушкина были понятны — своим поведением Александр ставил под удар не только самого себя. Ни одно семейство в России не хотело испытать гнев императора. Что это означало для знатной фамилии? Могло быть удаление от двора, лишение званий или должностей, а как итог — бесславное прозябание в провинции. И какие перспективы вдали от Петербурга, от его возможностей? Да еще у небогатого, пусть и аристократического семейства?

Ссоры в Михайловском не прекращались, и в этой до крайности неприятной обстановке Александр Сергеевич и заметил крепостную Ольгу. Сердцу было чем утешиться: ей сравнялось девятнадцать, она оказалась очень миловидна, и только присутствие родителей мешало Пушкину приступить к решительным действиям.

Ухаживание за крепостной — было ли оно? Возможно, поэт говорил девушке какие-то приятные вещи, побаловал небольшим подарком.

Но отношения начались позже, ближе к зиме, когда из Михайловского уехали почти все Пушкины.

Сначала Александру было невообразимо тоскливо. «Бешенство скуки пожирает мое глупое существование», — писал он. Потом тональность писем к друзьям поменялась, Пушкин почти привык к изгнанию и даже начал входить во вкус этого нового распорядка жизни:

> *«Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки... своего воспитания. Что за прелесть эти сказки!»*

Впоследствии много станут говорить, что ему помогла поэзия, что его окрылили музы... Но были и другие моменты, которые скрашивали существование Пушкина: его связь с Ольгой Калашниковой.

Между Петербургом и Михайловским постоянно велась оживленная переписка. Своему лицейскому другу Ивану Пущину (поэт вообще любил поделиться любовными похождениями) Пушкин рассказал о крепостной почти сразу. По крайней мере, побывав в Михайловском в начале 1825 года, Пущин оставил красноречивую запись в своем дневнике:

> *«Я тотчас заметил... фигурку, резко отличавшуюся от других, не сообщая... Пушкину моих заключений... Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно».*

Роман поэта с крепостной продолжался примерно полтора года — все то время, что Пушкин провел в Михайловском. Женат в ту пору он не был, и связь с крестьянкой считалась настолько обыденным явлением, что не вызывала удивления. Но 1 июля 1826-го Ольга Калашникова родила сына, названного Павлом и крещенного четырьмя днями позже (в XIX веке обряд крещения нередко проводился почти сразу после рождения дитя). Имя Пушкина ни в одной метрике упомянуто не было[1]. Каким же образом стало известно, что это именно его ребенок? Дело в том, что сохранились письма к князю Петру Вяземскому, где Пушкин прямо просил друга поучаствовать в судьбе и Ольги, и младенца:

> *«Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие*

[1] При крещении незаконнорожденных детей часто указывали только имена крестных, не уточняя, кто является родителями ребенка. Таким образом, Ольга стала одновременно матерью и крестной сына. — *Прим. авт.*

и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько понадобится, а потом отправь в Болдино (мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о попе; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах. При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно, ей-Богу... но тут уж не до совести».

«Обрюхатил», «мне совестно» — слова, далекие от любви. Но мог ли поэт, воспитанный настоящим дворянином, бывавший при дворе, близко знакомый со множеством высокопоставленных особ, всерьез увлечься обычной дворовой девкой? Конечно, нет. Ольга стала прекрасным времяпрепровождением, но не более того. К тому же осенью 1826 года Пушкин начал строить матримониальные планы. Встретив в Москве свою дальнюю родственницу, Софью Пушкину, очень уж поэт старался ей понравиться. Одна-

ко девушка предпочла другого — уже в декабре была помолвлена с другим.

Судьба же крепостной Ольги не совсем обычна: ей позволили оставить ребенка и даже выступить в качестве его крестной (сохранились записи болдинского Успенского храма). К сожалению, мальчик прожил всего 2 месяца и был похоронен в Болдино. Позже Ольга получила вольную и вышла замуж за дворянина Павла Ключарева, вдовца с маленьким сыном. А Пушкин спустя несколько лет женился на Наталье Гончаровой.

Впрочем, он еще не раз поинтересовался, как живется его прежней возлюбленной, и получил 15 марта 1832 года ответ от ее отца: «Дочь только тем несчастлива, что ничего нет... что было все описано... При должности живут кое-как, а без должности хоть по миру ходи». Этот завуалированный намек на возможную помощь от поэта возымел действие: Пушкин сразу повысил жалованье отцу Ольги, чтобы тот мог какие-то крохи пересылать дочери. Но больше ничего сделать поэт не мог. У него у самого финансовые дела шли, мягко говоря, не очень.

Следы Ольги теряются уже после смерти поэта, и трудно сказать, как сложился ее жизненный путь, начиная с 1840 года. Последнее упоминание о ней связано с переездом в Петер-

бург. А что дальше? Непонятно. Супруг молодой женщины был совершенно разорен, а еще частенько прикладывался к бутылке.

Кстати, пушкинисты уверены, что Калашникова — и есть та самая Ольга из донжуанского списка поэта. В 1829 году он шутки ради решил составить перечень всех дам, которыми когда-либо увлекался. Этот «реестр» был записан в альбоме Елизаветы Ушаковой, а почти шестьдесят лет спустя его опубликовали[2]. Донжуанский список включает в себя два столбца имен (без фамилий или титулов), и вот во втором, пятнадцатой по счету, была обозначена Ольга.

Александр Сергеевич не был единственным помещиком, кто так милостиво обошелся со своей низкородной пассией. Как и Ольга Калашникова, крепостная возлюбленная ярославского помещика Панова тоже обрела свободу. Но Петр Федорович был готов жениться на девушке (ее имени история, к сожалению, не сохранила), а когда у нее родился сын Петр, объявил его своим законным наследником. У самого Панова была только одна дочь, Феофания, к тому времени — вдова с маленьким ребенком.

---

[2] Список был предан огласке в «Альбоме Пушкинской выставки 1880 года». М., 1887, табл. 4, 5, 6, после стр. 116. — *Прим. авт.*

Признанная красавица, Феофания Мыльникова переехала к родителям, как только оплакала мужа. Супруг почти не оставил ей имущества, и положение молодой женщины было отчаянным. Но в доме ее детства находиться теперь было невыносимо: мать повредилась рассудком и буквально изводила Петра Федоровича и Феофанию капризами и приступами раздражения. Помучившись с год, выждав срок траура, вдова поспешила под венец во второй раз, с небогатым соседом Гавриилом Шестаковым.

После отъезда дочери Панов оформил вольную для возлюбленной (ему удавалось ее скрывать до поры до времени), дал свободу и всей ее немаленькой семье, а еще купил для них дом в Ярославле и небольшую гостиницу. Отныне крестьянка поднялась вверх по социальной лестнице, заняв место среди уважаемых мещан. На такой уже можно было жениться: не зазорно. Да и после скорой смерти жены для Панова не было никаких препятствий осуществить свой замысел... Но неожиданно вмешался новый зять.

Разговор между родственниками проходил на повышенных тонах. Сам без гроша за душой, Шестаков заявил претензии от имени жены. Феофания-де имеет все права на наследство Пановых (а оно было немалым) и категорически возражает против «крепостного брата» Павла. Обмен мнениями зашел так далеко, что зятя вы-

ставили вон. Но тот, распаленный «общением», отправился скандалить в ярославскую гостиницу.

Впоследствии свидетели утверждали, что господин Шестаков вел себя дерзко и неразумно, оскорблял родных молодой женщины, на которой собрался жениться Петр Федорович, затем истребовал для себя кофе, выпил его и вскоре ушел. Инцидент можно было бы считать исчерпанным, кабы не одно но. К вечеру Гавриилу Шестакову стало плохо, вызванный врач облегчить его страданий не смог, а наутро мужчина скончался. Заламывая руки, Феофания пошла к отцу. В округе шептались, что скандалиста отравили, но никаких обвинений владельцам гостиницы предъявлено не было. И здесь наверняка постарался помещик Панов.

Вероятнее всего, он действительно женился на бывшей крепостной крестьянке. Дело в том, что Павел получил права законного наследника (а бастард не смог бы на это претендовать), помещик дал ему достойное образование и, как говорится, вывел в люди. Только наука впрок не пошла: молодой Панов запомнился в губернии отнюдь не своей образованностью или прекрасными душевными качествами. Сам уже будучи взрослым семейным человеком, он нередко жестоко наказывал своих крепостных. В 1831 году на него была даже составлена жалоба